

У НАС НА ГАСТРОЛЯХ

Ж

ИЛА-БЫЛА девочка. В городе над Волгой. Училась в двух школах: в одной — синусы да косинусы, в другой — диэзы да бемоли. И все сходилась на том, что дорога ей одна-единственная: в музыкальное училище. Но девочка, к великому ужасу родных и близких, стала вдруг бредить театром оперетты. Всполошились домашние и попросили одного очень уважаемого в городе артиста прослушать Люду, дабы артист внушил взбалмошной девчонке, что нет у нее никаких актерских данных и соваться ей в искусство нечего.

Но артист сказал совсем другое. Артист сказал, что надо пробовать. И Людмила, даже не успев получить аттестата зрелости, даже не захватив самой главной справки — о здоровье, помчалась в город Саратов, потому что там при ТЮЗе открывалась студия. Театру требовались трагедисты, и рослая абитуриентка явно не подходила на это амплу, но ее все-таки решили послушать. Когда Люда прочитала басню, которую выучила накануне в поезде, спела песенку Гека из известного кинофильма «Чук и Гек» и, как и требуется в этюде, без единого звука изобразила... целый симфонический оркестр, ее судьба была решена. Из Саратова пришло известие, что Людмила Грязнова оставлена при театре — и в родительском доме наступил траур.

Но в конце концов все проходит. Оттаяли и родительские сердца, тем более, что скоро дочка вернулась в родной город: при Волгоградском драмтеатре появилась своя студия.

УЧИЛАСЬ и играла. Играла и училась. Были совсем маленькие эпизоды, были и вполне солидные роли. А в зале — те, кто знает ее с малолетства. Страшно... Ее дипломную ролью стала Надежда в «Последних».

ПРЕДСТАВЛЯЕМ
МОЛОДУЮ АКТРИСУ
КУЙБЫШЕВСКОГО
ДРАМАТИЧЕСКОГО
ТЕАТРА ИМЕНИ
А. М. ГОРЬКОГО
ЛЮДМИЛУ
ГРЯЗНОВУ

«УСПЕТЬ БЫ ВСЕ СКАЗАТЬ...»

Потом — Наташа в «Совести», Люси в «Трехгрошовой опере», другие роли... Были ли это работы по крупному счету? Наверное, все-таки нет. Во всяком случае, когда Людмилу на гастролях увидел заслуженный деятель искусств Петр Львович Монастырский, он не очень-то остался ею доволен. Главный режиссер считал, что нужно решительно избавляться от налета этакой «периферийности», что пора отказаться от ролей «кокотливых», чисто представленных, и решительно искать собственную индивидуальность. Искать себя. Все это режиссер высказал довольно-таки резко, но нелицеприятные слова молодой актрисе не обидели. Наоборот, она поверила в свои силы и перешла в но-

вый коллектив, где ей сразу предъявлялись столь высокие требования.

Роль за ролью — Наташа в популярнейшей пьесе Радзинского, Женя («Рассудите нас, люди» Андреева), Нихаль («Чудак» Хикмета), Алена («За час до полуночи» Шубрта). Но все это было как бы предчувствием главного. Главным стала Гелена в «Варшавской мелодии».

ПЬЕСА прошла уже более 160 раз. За это время уже сменилось несколько исполнителей роли Виктора, а Гелену играет только она. В этом образе Людмила чувствует себя удивительно свободной, в этой роли актриса словно купается. Если среди зрителей оказываются поляки, то даже они приходят в неописуе-

мый восторг от ее грациозности, от ее милого акцента. Не знаю, как можно сыграть талантливого человека, но Людмиле это удается. Она играет талантливую женщину. Талантливую во всем — в искусстве, в любви, в ненависти. В ненависти к фашизму.

Фашизм... Людмила вернулась в Сталинград, когда там еще были сплошные руины. Она помнит и «мессер», торчащий из вздыбившейся земли против их школы, и изрешеченные стены универмага, где сдался Паулюс... А потом, в Варшаве, у колонны Зигмунда, гид объяснял: «Пока Зигмунд держит над головой свой крест, варшавяне могут спать спокойно. В тридцать девять он не заметил вовремя, как прилетели фашистские бом-

бардировщики, опоздал поднять крест — поэтому с Варшавой случилась беда...» Людмилу поразили эти слова, в которых — черта нации: умение даже о самом горьком сказать с легкой улыбкой. Скоро так заговорила и ее Гелена.

Поездка в Польшу стала как бы продолжением любимого спектакля. Переполненные щемящей мелодией Варшавы, без устали бродили они с Валерием Никитиным по незнакомым и все же знакомым улицам и удивлялись, заново узнавая все то, с чем свела их пьеса. Оказывалось, на самом деле есть и ресторан «Под вяздами», и отель «Саски», и действительно совсем еще недавно под этим небом пел Юлек Штатлер... И сердце теснило новые чувства, чтобы потом еще значительнее, еще нежнее со сцены зазвучало слово о большой и трудной любви.

ИГРАЕТ Грязнова много. Очень много. Ее неистовство в работе поражает. Сегодня она — Гелена, завтра — Нина из «Гроссмейстерского балла». Потом, в «Цилиндре», — мятежная Рита, которая рвет семейные узы, сделав страшное открытие, что самые близкие люди согласны заплатить за свое благополучие ее женским и человеческим достоинством. А еще — хрупкая Алиман в «Материнском поле», этой трагической поэме о народных утратах в минувшей войне. А еще — Клеопатра в классической пьесе Бернарда Шоу, из взбалмошной и угловатой девчонки вырастающая в деспотичную, торжествующую над врагами царицу. А еще — охарактеризованная мальчишкой, которому по воле судьбы приходится быть ловеласом и дуэлянтом, потому что зовут его Дон Жуан, хотя на самом деле он... девушка. И, наконец, — Комиссар в «Оптимистической трагедии».

Когда Людмила приступала к этой огромной роли, над ней довели громкие имена прежних исполнительниц: Коонен, Лебзак...

А она все время помнила, что Ларисе Рейснер на гражданской было только-только за двадцать... К сожалению, ленинградцы не увидели этот спектакль наших гостей, но вот что недавно писала «Правда»: «Необычен в трактровке куйбышевцев образ Комиссара, которого чаще всего приходилось видеть женщиной с первой фразы решительной, волевой, физически крепкой. Комиссар в исполнении талантливейшей молодой актрисы Л. Грязновой — это худенькая женщина в скромной штатской одежде. И говорит она тихо, почти не повышая голоса. Но в ее словах непреклонная уверенность, внутренняя сила, вера в правду партии, и этим она побеждает».

Рита и Клеопатра, Дон Жуан и Комиссар — вот это диапазон! За четыре года — восемь ролей первого плана. На сцене — чуть ли не всякий вечер. И еще уйму времени отнимает телевидение. Но все равно каждой зимой (а то и два-три раза) всеми правдами и неправдами садится Людмила в поезд, чтобы снова встретиться с вахтанговцами, с «Современником», с театром Товстоногова. Это ей нужно как воздух.

НА ТЕАТРУ на Фонтанке, где нынче всякий раз с необычайным трепетом выходит она на сцену, отношение особое. Признается, что влюблена в него «до неприличия». Восхищается его актерами. Заговорив о своей профессии, сразу вспоминает Юрского. Как-то в телепередаче он заметил, что в наш век больших и сложных механизмов эти самые механизмы настолько внушительны, что нечто более совершенное просто трудно себе вообразить. И все-таки самое сложное — это театр...

— И правда, — задумывается Людмила, — о театре точнее не скажешь. Моя мечта — хотя бы элементарно соответствовать тому, что современный театр требует от актрисы.

Людмила сетует на то, что

жизнь проходит «флюсово», то есть однобоко. Хочется больше читать, лучше знать иностранные языки (изучает французский и польский, но все урывками), ездить по белу свету. Скоро у них откроется малый зал, зал комедии — значит, время станет еще плотнее. Мечтает сняться в кино, но пока что на предложения кинорежиссеров (вот и в Ленинграде были такие), увы, приходится отвечать отказом: длительные отлучки сейчас будут во вред ее театру.

У нее есть уже свой зритель. В Куйбышеве часто идут специально «на Грязнову». И в нашем городе за такой короткий срок ее успели признать и запомнить. Сам слышал, как у кассы интересовались: «А Грязнова играет?»

Наступит завтра — и она снова, в который уже раз, встретится со своей тенью — со своей Геленой. И снова она очень ждет и очень боится этой встречи, поэтому сегодня, возвратившись из театра, опять и опять вчитывается в известный назубок текст роли, опять и опять на каждой странице терзает себя все тем же проклятым вопросом: «Что же я все-таки здесь делаю?» А потом она выйдет к зрителю, и зритель потянется к ней, поверит каждому слову, будет вместе грустить и радоваться — такая уж у нее счастливая судьба.

Я СОЗНАТЕЛЬНО не задал ей вопроса относительно девиза в жизни. Во-первых, вопрос этот очень уж традиционен, а во-вторых, так случилось, что совершенно случайно уже заранее подслушал ответ. Сидя за гримом, Людмила впролобоса напевала одну из песенок Эдит Пиаф, где были такие слова: «Успеть бы все сказать, успеть бы все отдать...» И сразу стало ясно, что это не просто песенка, что в ней — нечто личное, что это Людмила и о себе.

Л. СИДОРОВСКИЙ
Фото Ю. Каменского